Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Мисковидные формы лепной керамики Труворова городища

Н. В. Лопатин¹

Аннотация. В статье систематизируются миски и горшки-миски из набора лепной керамики Изборского (Труворова) городища. Выделено 8 типов, из которых три объединяют привозные сосуды. Определен круг аналогий и основания датировки. Делается вывод, что относительно высокая доля мисковидных сосудов среди лепной керамики памятника (10 %) объясняется влиянием прибалтийско-финских культур на местное гончарство.

Annotation. This paper systematizes bowls and pots/bowls from the collection of handmade pottery from the Izborsk Gorodishche (Truvor's Hillfort). Eight types have been distinguished, of which three comprise imported ware. In the paper, the circle of analogues and the foundations for dating have been established. The conclusion has been drawn that the high ratio (10 percent) of bowl-like vessels among the handmade pottery from the site under consideration is explained by the influence of Baltic-Finnic cultures upon the local pottery-making.

Ключевые слова: Изборск, лепная керамика, миска, орнамент, эпоха викингов, прибалтийские финны, латгалы.

Keywords: Izborsk, handmade pottery, bowl, decoration, Viking Age, Baltic Finns, Latgians.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-208-218

Лепной керамике Изборского (Труворова) городища посвящен ряд исследований (Седов, 1978; 2007. С. 77–84; Белецкий, 1979; Лопатин, 2006; 2007. С. 217–221). В этих работах представлена типология керамических форм, обсуждаются их хронология и этнокультурное происхождение. Присутствие мисковидных сосудов кратко отмечалось В. В. Седовым. Более подробно их типологию рассмотрел С. В. Белецкий в диссертации о керамике Псковской земли в целом. Некоторые дополнительные наблюдения сделаны в публикациях Н. В. Лопатина.

Шкала общей пропорциональности сосудов на основе показателя отношения высоты (Н) к наибольшему диаметру ($D_{\max}$) разработана А. А. Бобринским и Ю. Б. Цетлиным (Цетлин, 2018. С. 128–130). К «мисковидным» отнесены сосуды с показателем менее 0,3535, к «горшкам-мискам» — до 0,7069. Согласно этому критерию, среди реконструированных форм, отобранных здесь из публикации С. В. Белецкого (рис. 1), к мискам

должны быть причислены только пять экземпляров (рис. 1, 3, 4, 6–8), остальные — к горшкам-мискам. Однако представляется, что данный набор изборских сосудов более естественно делится на рубеже около 0,55. В этом случае к горшкам-мискам относим четыре изделия (рис. 1, 12–15), остальные — к мискам; пограничные пропорции имеет сосуд № 11.

При отборе материала для нашей темы невозможно применить числовой критерий, поскольку коллекция керамики в большинстве своем состоит из фрагментов. Поэтому здесь к мисковидным отнесены те экземпляры верхних частей сосудов, которые позволяют графически реконструировать относительно низкие раскрытые формы, включая горшки-миски, которые можно назвать также высокими мисками.

С. В. Белецкий в свое исследование включил материалы раскопок Труворова городища 1971–1975 гг., поэтому для моей работы была в первую очередь определена коллекция более поздних полевых сезонов. К настоящему времени осмотрены материалы, полученные в 1976–1978 и 1981–1991 гг.

¹ Отдел научной информации и подготовки публикаций, Институт археологии РАН; ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2, г. Москва, Россия.

Рис. 1. Миски (1–11) и горшки-миски (12–15) Труворова городища (Белецкий, Лесман, 2003–2004. С. 520–522): 1 — 1972-Д-45-пл.5; 2 — 1974-П-54-пл.4; 3 — 1973-Х-45-пл.4; 4 — 1972-М-44-пл.5; 5 — 1971-Г-39-пл.4; 6 — 1971-К-41-пл.4; 7 — 1971-О-39-пл.3; 8 — 1972-В-42-пл.5; 9 — 1972-А-45-пл.5; 10 — 1972-уч-6-яма-2; 11 — 1971-уч. 2; 12 — 1975-Ж-12-пл.7-8; 13 — 1972-В-42-пл.6; 14 — 1972-У-46-пл.5; 15 — 1971-О-38-пл.5

Fig. 1. Bowls (1–11) and pots/bowls (12–15) from Truvor's Hillfort (Белецкий, Лесман, 2003–2004. С. 520–522): 1 — 1972-Д-45-пл.5; 2 — 1974-П-54-пл.4; 3 — 1973-Х-45-пл.4; 4 — 1972-М-44-пл.5; 5 — 1971-Г-39-пл.4; 6 — 1971-К-41-пл.4; 7 — 1971-О-39-пл.3; 8 — 1972-В-42-пл.5; 9 — 1972-А-45-пл.5; 10 — 1972-уч-6-яма-2; 11 — 1971-уч. 2; 12 — 1975-Ж-12-пл.7-8; 13 — 1972-В-42-пл.6; 14 — 1972-У-46-пл.5; 15 — 1971-О-38-пл.5

В классификации С. В. Белецкого выделены, во-первых, миски среди грубой керамики (рис. 1, 10, 11, 14, 15) — «конические приземистые сосуды с намеченными плечиками, широким дном, максимальным расширением, приходящимся на венчик; высота менее диаметра венчика в полтора-два раза» (Белецкий, 1979. С. 37, 349). Во-вторых, среди «парадной» керамики выделено три типа чаш (которые по пропорциям также следует отнести к мисковидным формам): округлобокие (рис. 1, 2, 4, 5), ребристые (рис. 1, 1, 3, 6–9) и воротничковые (Там же. С. 38, 358). В общем виде

эта классификация не вызывает возражений, но требует развития и уточнения.

В нижеследующем описании типов и отдельных экземпляров уже не будем касаться вопроса, насколько правомерно деление всех низких раскрытых сосудов на миски и чаши, поскольку, как увидим, четкую границу между ними указать сложно. Оставляем условно один общий термин — миски. В подрисовочных подписях указаны последовательно: полевой паспорт (год раскопок, квадрат, пласт, объект); музейный инвентарный номер (коллекция хранится в Музее-заповеднике

Рис. 2. Привозные миски Трувора городища: 1, 2 — тип 1; 3–6 — тип 2; 7 — тип 8: 1 — 1975-Е-10-пл.6-канавка; № 619; лощеная; 2 — 1978-О-23-пл.6-канавка; 332-1516; Д3; 3 — 1976-К-32-пл.5; 308-1853; Д2, лощеная; 4 — 1978-П-26-пл.5; 332-1171; Д2, лощеная; 5 — 1977-Л-28-пл.4; 310-1750; Д2, лощеная; 6 — 1973-К-48-пл.3-пл.5; 303-3287-4319; Д2, гладкая; 7 — 1978-Г-29, 3-31, И-28, К-26-28, Л-27, пл.5-6; 332-289, 350, 351, 556, 770, 882, 1133, 1647, 1648, 2742; Д6, Д9. Здесь и далее в подписях к рисункам указаны: полевой паспорт находки (год раскопок, квадрат, пласт, объект); музейный инвентарный номер; описание фрагмента — наибольший размер включений дресвы (Д, мм) и фактура поверхности (кроме основной массы грубой керамики)

Fig. 2. Imported bowls from Truvor's Hillfort: 1, 2 — type 1; 3–6 — type 2; 7 — type 8. 1 — 1975-E-10-пл.6-groove; № 619; polished; 2 — 1978-O-23-пл.6-groove; 332-1516; Д3; 3 — 1976-K-32-пл.5; 308-1853; Д2, polished; 4 — 1978-P-26-пл.5; 332-1171; Д2, polished; 5 — 1977-L-28-пл.4; 310-1750; Д2, polished; 6 — 1973-K-48-пл.3-пл.5; 303-3287-4319; Д2, smooth; 7 — 1978-G-29, 3-31, И-28, К-26-28, Л-27, пл.5-6; 332-289, 350, 351, 556, 770, 882, 1133, 1647, 1648, 2742; Д6, Д9. Here and below the legends specify: field registration certificate; museum inv. number and description of the fragment — the maximum size of the inclusions of crushed stone (Д, mm) and texture of the surface

«Изборск»); характеристика примеси (Д — дресва с наибольшим размером включений, мм), обработки поверхности. Заметим, что размер дресвы 2–3 мм, а также такие варианты обработки поверхности, как «лощенная», «гладкая», «ровная», являются признаками столовой, или «парадной», керамики. Грубая фактура, характерная для большинства лепной керамики памятника, специально не отмечалась. Все публикуемые фрагменты происходят из нижних горизонтов культурного слоя памятника (пласты 5, 6, углубления в материке; реже — пласты 3 и 4). В большинстве своем это горизонты с относительно чистыми наборами лепной керамики.

Тип 1. Округлобокие (не имеющие подчеркнутого ребра), круглодонные, верхняя часть прямая, вертикальная или наклонная внутрь. Три экземпляра без орнаментов зафиксированы С. В. Белецким (рис. 1, 2, 4, 5). В наших материалах представлен тремя экземплярами, каждый из которых уникален.

Один экземпляр (рис. 2, 1) имеет лощеную поверхность, пониженный перегиб тулова,

орнамент из двух поясков нерегулярной волны, нанесенной, вероятно, зубчатой щепкой в пределах двух пологих канавок, проложенных между едва заметными валиками. Наибольший диаметр — 15,2 см, высота 6,7 см. Фрагмент подобного по форме и орнаменту изделия происходит с городища Унипики (Аун, 1992. Табл. XI, 9). В центре дна (но с небольшим отклонением от точного расположения по центральной оси) снаружи имеется углубление. Такая деталь отмечена на целом ряде округлодонных мисок (Шмидехельм, 1959. Табл. IV; Плохов, 2014. Рис. 2, 3), в том числе на городище Иру у мисок сходной профилировки (Tvauri, 2012. Fig. 31, 30–32). Предполагается, что она имеет отношение к технологии изготовления (Плохов, 2014. С. 240), но конкретной интерпретации пока нет. Возможно, объяснение этой детали другое: углубление делалось для придания сосуду устойчивости на плоскости. Если это так, то функционально углубление подобно «маленькому плоскому донцу в виде чуть заметного среза»,

наблюдаемому иногда у ребристых круглодонных чаш (Аун, 1992. С. 49), или рудименту кольцевого поддона, который также встречается в керамике типа Иру (*Tvauri*, 2012. Fig. 31, 39).

Вторая миска (рис. 2, 2) имеет короткий венчик и более глубокую нижнюю часть; круглодонность предположительна. Наибольший диаметр — 12,2 см, дресва до 3 мм. Орнамент — пояс треугольников вершинами вниз, составленных из трех неглубоких округлых ямок полукруглого сечения, — находит многочисленные аналогии на городищах и селищах Юго-Восточной Эстонии — Рыуге, Отепя, Унипиха (*Шмидехельм*, 1959. Табл. III, 5; Аун, 1992. С. 46, табл. VIII–XI).

Третья миска (*Лопатин*, 2012. Рис. 11, 4) — лощеная, светло-коричневая, орнаментирована тремя врезными горизонтальными линиями. Найдена в раскопе 1981 г. в пятом пласте, находится в постоянной экспозиции Музея-заповедника «Изборск». Аналогии: городище Отепя (Аун, 1992. Табл. XI, 12), городище Иру (*Mägi*, 2018. Fig. 6.1), могильники Залахтовье и Ратчино (*Хвоцинская*, 2004. Табл. XVIII, Б; XXXI, 1; *Стасюк*, 2011. Рис. 4, 1).

Тип 2. Ребристые круглодонные (рис. 2, 3–5). Верхняя часть профиля по ориентировке близка к вертикали, дугообразно переходит в заостренное ребро. Представлены мелкими фрагментами; о форме нижней части можно судить по многочисленным аналогиям на других памятниках и соседних территориях. Серия сосудов с орнаментом и без него, происходящих с сопредельных участков Труворова городища, опубликована С. В. Белецким (рис. 1, 1, 3, 6–9). В наших материалах представлен тремя экземплярами. Сосуды лощеные, включения дресвы — не более 2 мм. Намечаются два размерных стандарта — диаметрами 10–14 и 18–22 см, что соответствует двум типам (соответственно четвертый и третий второй группы) по классификации керамики М. Аун (Аун, 1992. С. 49).

Три фрагмента орнаментированы двухрядными врезными волной или зигзагом в верхней части (рис. 2, 3–5). Один из фрагментов не сохранил ребра (рис. 2, 4), но предположительно, по другим признакам, отнесен к этому типу. Такая орнаментация нечасто встречается в Юго-Восточной Эстонии и в ее пределах более характерна для северных городищ — Тарту, Унипиха (Аун, 1992. С. 50). При этом почти всегда волнистый орнамент сочетается с линейным, валиковым и ямочным (*Там же*. С. 46). Сочетания волн с горизонтальными линиями и валиками отмечены

на мисках этого типа из Ладоги и Рюрикова городища (*Плохов*, 2010. Рис. 1, 6; 2014. Рис. 2, 1–10), а также на керамике городища Пиллово-2 на Ижорской возвышенности, комплекс которого в целом сближается с североэстонским типом Иру (*Михайлова и др.*, 2016. Рис. 4; *Tvauri*, 2012. Fig. 31; 34). Зигзаг или волна без дополнительных элементов, но на округлобоких мисках, встретились в нескольких случаях в Старой Ладоге и Холопьем городке (*Плохов*, 2010. Рис. 1, 2, 3; 2014. Рис. 2, 12). Но наиболее точные аналогии изборским находкам происходят из могильника Луистари в юго-западной Финляндии (*Lehtosalo-Hilander*, 1982. Pl. 21, 12; 57, G170, 3; 78, 13; 79, G292, 5). Отличия от подобной керамики Ладоги и Рюрикова городища свидетельствуют о том, что их происхождение связано с разными, хотя и родственными, регионами.

К данному типу можно отнести еще один сосуд, представленный двумя фрагментами, найденными в одном квадрате, хотя и на разной глубине (рис. 2, 6). Его поверхность гладкая, но выделана не столь тщательно, а ребро не заострено, а имеет вид валика — возможно, также по причине менее тщательной выделки. С. В. Белецкий реконструировал по этим фрагментам два сосуда (*Белецкий, Лесман*, 2003–2004. Рис. 6, 7, 8) и отнес их к отдельному типу воротничковых. Обращение к коллекции показало, что фрагменты весьма сходны по всем признакам, несмотря на разницу диаметра, реконструируемого по локальной кривизне дуги. Оттянутый валик сформован небрежно: на разных участках его сечение несколько различно. Два похожих сосуда происходят из юго-восточного Приладожья, где отнесены к импортам (*Спиридонов*, 1986. Рис. 2, 1, 2).

Тип 3. Ребристые с прямолинейной вертикальной верхней частью (рис. 3, 1, 2). Представлен двумя мелкими фрагментами, по которым можно судить о большом диаметре (22 и 26 см). Судя по наклону стенок ниже ребра, эти сосуды могли быть круглодонными, но уверенно судить об этом, как и об их высоте, невозможно.

Тип 4. Ребристые сосуды, по профилировке верхней части сходные с мисками типа 2, а по наклону стенок ниже ребра, скорее всего, представляющие собой горшки-миски с плоским дном вроде формы, реконструированной С. В. Белецким (рис. 1, 13). Представлены небольшой серией (рис. 3, 3–6), в которую входят экземпляры разных размеров, разного калибра дресвы (наибольший размер от 3 до 10 мм); поверхность бывает

Рис. 3. Керамика Трувора городища: 1, 2 — миски (?) типа 3; 3–6 — горшки-миски типа 4; 7, 8 — миски типа 5: 1 — 1982-VIII-21-пл. 3; 1614-1309; Д5, гладкая; 2 — 1976-Н-34-пл.4; 308-1469; Д2, лощеная; 3 — 1982-VI-24-пл.4; 1614-1407; Д3, ровная; 4 — 1976-И-34-пл.6; 308-1664; Д3, горизонтальное заглаживание; 5 — 1976-3-33-пл.5; 308-1726; Д10; 6 — 1976-К-32-пл.5; 308-1847; Д5, ровная; 7 — 1976-Б-33-пл.4; 308-260; Д7; 8 — 1976-Б-34-пл.4; 308-611; Д3, горизонтальное заглаживание

Fig. 3. Pottery from Truvor's Hillfort: 1, 2 — bowls (?) of type 3; 3–6 — pots/bowls of type 4; 7, 8 — bowls of type 5. 1 — 1982-VIII-21-пл. 3; 1614-1309; Д5, smooth; 2 — 1976-Н-34-пл.4; 308-1469; Д2, polished; 3 — 1982-VI-24-пл.4; 1614-1407; Д3, equable; 4 — 1976-И-34-пл.6; 308-1664; Д3, horizontal smoothing; 5 — 1976-3-33-пл.5; 308-1726; Д10; 6 — 1976-К-32-пл.5; 308-1847; Д5, equable; 7 — 1976-Б-33-пл.4; 308-260; Д7; 8 — 1976-Б-34-пл.4; 308-611; Д3, horizontal smoothing

довольно ровной, иногда со следами горизонтального заглаживания.

Эти сосуды можно предположительно считать местными подражаниями подобным изделиям более тщательной выделки (Шмидехельм, 1959. Табл. III, 5, 6; Аун, 1992. Табл. X, 2, 4; Tvauri, 2012. Fig. 36), которые на памятниках Юго-Восточной Эстонии составляют единый набор с мисками типов 1 и 2. По классификации М. Аун, это вторая группа, первый тип (Аун, 1992. С. 48).

Тип 5. Раскрытые сосуды S-образного профиля, край венчика отогнут наружу (рис. 3, 7, 8; 4, 2–9). По профилировке сходны с большинством лепных горшков Трувора городища (Лопатин, 2007. Рис. 3), но наклон стенки в нижней части показывает резкое сужение к узкому дну. В некоторых случаях можно предполагать круглодонность (рис. 3, 8; 4, 3, 6). Отдельные экземпляры имеют укороченный и сильно профилированный край (рис. 4, 2, 6) или намеченное ребро на уровне плечика (рис. 3, 7, 8; 4, 5, 9). Детали профилировки нижней части одного из фрагментов свидетельствуют о том, что это придонный участок (рис. 4, 4); получаем реконструкцию целой формы

со следующими параметрами: $D_{\max} = 13,7$ см, $H = 6,5$ см, $d_{\min} = 9$ см. По признакам размерности дресвы и обработки поверхности в основном принадлежат к общей массе грубой лепной керамики памятника; лишь редкие экземпляры изготовлены более тщательно: дресва до 3–4 мм, горизонтальное заглаживание (рис. 3, 8; 4, 3, 5). На одном фрагменте имеется нагар, что свидетельствует о кухонном использовании (рис. 4, 7).

Учитывая оформление перегиба тулова в виде ребра, следует предполагать, что имело место местное подражание привозным мискам типов 1 и 2².

Тип 6. Отличается от типа 5 вертикальным расположением края венчика (рис. 5). Некоторые гипотетические реконструкции форм (рис. 5, 2, 3) заставляют предположить, что среди них есть горшковидные, хотя и относительно низкие.

² Согласно изысканиям А. А. Бобринского и Ю. Б. Цетлина, подражания мискам, выполненные мастерами, привычными к изготовлению горшков, имеют пропорции более высокие, чем прототипы (Цетлин, 2018. С. 130), однако применить это наблюдение к неполным формам нельзя.

Рис. 4. Миски Труворова городища: 1 — тип 7; 2–9 — тип 5: 1 — 1978-И-30-пл.5-6; 332-960; Д5; 2 — 1976-К-32-пл.5-6; 308-1845; Д6; 3 — 1977-П-27-пл.5; 310-2681; Д4; 4 — 1977-С-26-пл.4; 310-3053; Д6; 5 — 1978-И-24-пл.4; 332-2057; Д4; 6 — 1978-Л-22-пл.4; 332-1809; Д6; 7 — 1978-Л-25-пл.4; 332-1815; Д5, нагар; 8 — 1976-Ж-32-пл.4; 308-1826; Д5; 9 — 1976-К-33-пл.4; 308-2238; Д7

Fig. 4. Bowls from Truvor's Hillfort: 1 — type 7; 2–9 — type 5. 1 — 1978-И-30-пл.5-6; 332-960; Д5; 2 — 1976-К-32-пл.5-6; 308-1845; Д6; 3 — 1977-П-27-пл.5; 310-2681; Д4; 4 — 1977-С-26-пл.4; 310-3053; Д6; 5 — 1978-И-24-пл.4; 332-2057; Д4; 6 — 1978-Л-22-пл.4; 332-1809; Д6; 7 — 1978-Л-25-пл.4; 332-1815; Д5, carbon deposits; 8 — 1976-Ж-32-пл.4; 308-1826; Д5; 9 — 1976-К-33-пл.4; 308-2238; Д7

Один фрагмент орнаментирован по краю венчика отпечатками подушечки пальца (рис. 5, 4). В небольшом количестве такой декор встречается на поздней лепной славянской керамике разных территорий (см. например: Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 346, 1–3; 377, 1).

Тип 7. Сосуды, близкие по форме к усеченному конусу, но имеющие в той или иной степени выпуклые боковые стороны (рис. 6). Некоторые из них можно отнести в качестве слабопрофилированного варианта к типу 5 (рис. 6, 1–4), однако есть и экземпляры, полностью лишённые профилировки края (рис. 4, 1; 6, 5, 6³). Один из фрагментов имеет переход ко дну (рис. 6, 4); реконструируемые размеры сосуда: $D_{\max} = 22,8$ см, $H = 10,0$ см,

$d_{\min} = 14,4$ см. Керамика в целом грубая, но у одного фрагмента отмечены следы горизонтального заглаживания, что обнаруживается в качестве повторяющегося признака у ряда мискообразных сосудов (см. ранее).

Тип 8. Сосуд сходной с предыдущим типом формы, но полностью покрытый с внешней стороны вдавлениями кончика пальца с ногтем, расположенного горизонтально; свободной от вдавлений оставлена только узкая полоса вдоль края (рис. 2, 7). Примесь и поверхность грубые. В коллекции имеется 10 фрагментов, которые найдены поблизости друг от друга и принадлежат, по всей вероятности, всего одному экземпляру. Реконструируемые размеры: $D_{\max} = 20,2$ см, $H = 11,2$ см, $d_{\min} = 11,4$ см.

Изделия с подобным декором составляют некоторое единство с керамикой «защипной», которая

³ Фрагменты 5 и 6 на рис. 6, возможно, принадлежат одному сосуду.

Рис. 5. Керамика Трувора городища: 1, 4–6 — миски типа 6; 2, 3 — гипотетическая реконструкция сосуда, в верхней части профилированного по типу 6: 1 — 1978-Ж-31-пл.5; 332-1104; Д5; 2 — 1978-Ж-28-пл.6; 332-943; Д6; 3 — 1978-Е-28-пл.5; 332-1005; Д6; 4 — 1981-VIII-IX-31-яма-23; полевой № 620; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-295; Д6; 6 — 1976-Ж-36-пл.6; 308-1614; Д6

Fig. 5. Pottery from Truvor's Hillfort: 1, 4–6 — bowls of type 6; 2, 3 — hypothetic reconstruction of the vessel profiled in the upper part as type 6: 1 — 1978-Ж-31-пл.5; 332-1104; Д5; 2 — 1978-Ж-28-пл.6; 332-943; Д6; 3 — 1978-Е-28-пл.5; 332-1005; Д6; 4 — 1981-VIII-IX-31-яма-23; field № 620; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-295; Д6; 6 — 1976-Ж-36-пл.6; 308-1614; Д6

встречается чаще (Аун, 1992. С. 47–48). Сходство этих мотивов декора заключается, помимо технологии нанесения пальцами гончара, в покрывании этими отпечатками в ряде случаев всей поверхности сосуда или ее значительной части. Отдельно мотив именно вдавлений отмечен для территории Латвии (Цимермане, 1980. С. 72–73) и Юго-Восточной Эстонии (Tvaauri, 2012. Р. 81). Целый сосуд реконструирован в коллекции с городища Асоте на Даугаве (Шноре, 1961. Рис. 154, 3); по профилировке и декору он похож на миску из Изборска, но имеет вытянутые горшковидные пропорции. Согласно недавней специальной публикации о керамике с ногтевыми и пальцевыми вдавлениями на территории Латвии и Литвы, наиболее близкие аналогии изборскому экземпляру локализуются в Латгалии и датируются концом I — началом II тыс. н. э. (Dumpe, 2017. 3, 7, 8 att.). Спорадически такой же декор поверхности встречается на Северо-Западе России: в Старой Ладогe (вариант декора, очень похожий на изборский: Станкевич, 1951. Рис. 4, 3; 6, 1), Залахтове (но здесь вертикальные зацепы: Хвоцинская, 2004. Табл. XLI, 16). По форме сосуда из Ладог и Залахтове сходны между собой (баночные,

с немного загнутым внутрь краем, что типично для керамики латгалов) и отличаются от изборского.

Типы 1, 2 и 8 объединяют предположительно привозные сосуды, из которых практически каждый экземпляр обладает своеобразием исполнения. Типы 1 и 2 связаны с прибалтийско-финскими землями, тип 8 — с балтскими, прежде всего с территорией латгалов. Типы 3–7 принадлежат местному гончарству, но часть их (3, 4 и, возможно, 5) в той или иной степени несет свидетельства подражания столовой посуде памятников Юго-Восточной Эстонии типа городища Рыуге.

По рассмотрении всех выявленных экземпляров можно вернуться к вопросу пропорциональности сосудов данной категории на основе нескольких достоверных реконструкций. У миски типа 1 (рис. 2, 1) $H : D_{\max} = 0,44$. Пропорции двух похожих мисок типов 5 (рис. 4, 4) и 7 (рис. 6, 4) соответственно: $H : D_{\max} = 0,47; 0,44$; $d_{\min} : D_{\max} = 0,66; 0,63$. Миска типа 8 более высокая и относительно узкодонная: $H : D_{\max} = 0,55$; $d_{\min} : D_{\max} = 0,56$. Хотя она инородна по происхождению, подобные пропорции, вероятно, свойственны и некоторым мискам местного производства (рис. 6, 6).

Необходимо обратить внимание на хронологический аспект присутствия сосудов типов 1 и 2 в нижнем горизонте культурного слоя памятника. В общем виде такая керамика относится к эпохе викингов. Однако есть целый ряд наблюдений, позволяющих говорить о более узкой хронологии. Так, миски с углублением в круглом днище на городище Иру относятся ко второй половине IX в. (Lang, 1996. S. 83). М. Аун указывает, что в рамках последней четверти I тыс. «более позднюю датировку орнаментированной керамики подтверждает ее наличие в верхних частях культурного слоя городища Рыуге⁴; на селище Унипи́ха — в комплексе находок IX–X вв.» (Аун, 1992. С. 51). В Северной Эстонии, из слоя железоделательной мастерской Тыдва с находками керамики данной группы, получена радиоуглеродная дата 890–1020 cal AD (95,4 %) (Kiudsoo et al., 2009. P. 100). Находки орнаментированных мисок подобных типов в Старой Ладогe и на Рюриковом городище относятся в большей мере к горизонтам X, чем IX века (Плохов, 2010. С. 176; 2014. С. 236–237). Миски типа 1 с линейным орнаментом найдены в Залахтовье и Ратчине в погребениях XI в. (Хвоцинская, 2004. С. 133; Стасюк, 2011. С. 93), в Луистари (Финляндия) — X в. (Лехтосало-Хиландер, 1979. Рис. 2, 6). В юго-восточном Приладожье сосуды типа 2 с валиком датируются не ранее X в. (Спиридонов, 1986. Рис. 2, 1, 2). В Луистари четыре миски типа 2, сходные по орнаменту с изборскими, происходят из комплексов раннего периода эпохи викингов — до 880 г., однако главным образом датированных по косвенным (топографическим) признакам (Lehtosalo-Hilander, 1982. P. 184). В погребениях Бирки и других могильников Средней Швеции круглодонные орнаментированные миски, входящие в группу АIII Д. Селлинг, датируются с середины IX до конца X в. (с преобладанием более поздних дат) и связываются происхождением с Юго-Западной Финляндией, где их хронология более широкая (Selling, 1955. S. 144–154). Таким образом, не претендуя на окончательность суждения, надо отметить, что рассмотрение этой категории сосудов скорее не подтверждает гипотезу (Белецкий, Лесман, 2003–2004) о запустении Труворова городища на протяжении X в.

Оценивая в целом место мискообразных форм в комплексе лепной керамики Труворова городища,

Рис. 6. Миски Труворова городища, тип 7:

1 — 1978-Ж-30-пл.5; 332-327; Д4; 2 — 1976-3-33-пл.5; 308-1829; Д6, горизонтальное заглаживание; 3 — 1976-3-33-пл.6; 308-1727; Д7; 4 — 1978-3-31-пл.6; 332-873; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-302; Д9; 6 — 1978-К-28-пл.5; 332-342, 343, 349; Д6

Fig. 6. Bowls from Truvor's Hillfort, type 7: 1 — 1978-Ж-30-пл.5; 332-327; Д4; 2 — 1976-3-33-пл.5; 308-1829; Д6, horizontal smoothing; 3 — 1976-3-33-пл.6; 308-1727; Д7; 4 — 1978-3-31-пл.6; 332-873; Д5; 5 — 1978-Е-29-пл.5; 332-302; Д9; 6 — 1978-К-28-пл.5; 332-342, 343, 349; Д6

⁴ Согласно недавним исследованиям, радиоуглеродные даты верхнего слоя городища Рыуге захватывают первую половину X в. (Лиллак, 2010. С. 163).

следует признать, что эта категория посуды представлена здесь более ощутимо, чем на синхронных памятниках Приильменя (Рюриково городище, Городок на Маяте) и днепро-двинского региона — Смоленск, Гнёздово, Витебск, Полоцк, Лукомль и др. (Плохов, 2005. С. 76; Еремеев, Дзюба, 2010. Рис. 219, 1, 2; 272, 1, 5, 7; 335, 2; 337, 3; 338, 4; 358, 2; 371, 6, 8; Кренке и др., 2020. Рис. 8, 25, 37, 38). Серия мисковидных сосудов происходит из погребений культуры смоленско-полоцких длинных курганов белорусского Подвинья (Штыхаў, 1992. Мал. 34; Шмидт, 2008. Табл. 51, 1; 65, 1; 95, 8), однако погребальные комплексы дают искаженное представление о керамическом наборе в целом. Миски присутствуют среди лепной керамики Пскова (Белецкий, 1983. С. 52, рис. 7, 5, 8, 10; 9) и Старой Ладogi (Сениченкова, 2011. Рис. 1, ФVII; 2, ФI), но по публикациям сложно судить об их количестве или доле. Лепной керамический комплекс Городка на Ловати также содержит некоторое количество мисок, повторяющих в верхней части профилировку

горшков того же памятника; отдельные экземпляры сходны с изборскими (Горюнова, 2016. С. 27–28, рис. 75, 3; 77, 7, 8; 79, 1; 127, 1).

В данной статье представлено 35 фрагментов мисок всех типов (рис. 2–7). Общее число типологически определимых крупных фрагментов венчиков, выявленных в обработанной части коллекции, составляет 254. Соответственно, доля мисок — 13,8 %. Учитывая, что часть фрагментов, представленных здесь на рисунках, может принадлежать горшковидным сосудам, снижаем эту цифру ориентировочно до 10 %. Вероятно, не все представленные фрагменты принадлежат разным сосудам, но это в равной мере относится и к горшковидным формам. Следует предполагать, что значительное количество мисок среди лепной керамики Труворова городища отражает влияние соседних прибалтийско-финских культур⁵.

⁵ Благодарю коллег Алексея Плохова, Байбу Думпе и Роберта Спиргиса за ценные советы и помощь при подготовке статьи.

Аун, 1992 — Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн: Олион, 1992. 200 с.

Белецкий, 1979 — Белецкий С. В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник. Культурная стратиграфия региона: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИА РАН. М., 1979. 456 с. // НОА ИА РАН. Р-2. № 2259.

Белецкий, 1983 — Белецкий С. В. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1983. С. 46–80.

Белецкий, Лесман, 2003–2004 — Белецкий С. В., Лесман Ю. М. О нижнем слое Труворова городища (замечки на полях монографии В. В. Седова) // *Stratum plus*. Кишинев: ВАИШ, 2003–2004. № 5: Мастеря средневековья. С. 515–577.

Горюнова, 2016 — Горюнова В. М. Городок на Ловати X–XII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с.

Еремеев, Дзюба, 2010 — Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.

Кренке и др., 2020 — Кренке Н. А., Еришов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В. Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции / Автор-

сост. Н. А. Кренке; отв. ред. Л. А. Беляев. М.; Смоленск: Свиток, 2020. С. 30–48.

Лехтосало-Хиландер, 1979 — Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне: Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука, 1979. С. 81–92.

Лиллак, 2010 — Лиллак А. Новые датировки городища Рыуге // АИППЗ. Псков, 2010. Вып. 25 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 55-го заседания, 2009 г.). С. 162–164.

Лопатин, 2006 — Лопатин Н. В. О различных концепциях культурно-хронологического определения лепной керамики Труворова городища // Изборск и его округа: Материалы II междунар. науч.-практич. конф. / Редкол. Е. В. Воронкова, С. А. Шеин. Изборск: б. и., 2006. С. 101–108.

Лопатин, 2007 — Лопатин Н. В. Проблемы изучения керамики Изборска // АИППЗ. Псков: ИА РАН, 2007. Вып. 22 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 52-го заседания). С. 217–231.

Лопатин, 2012 — Лопатин Н. В. Изборск // Русь в IX–X вв.: Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 122–137.

Михайлова и др., 2016 — Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Втырка

- (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // АИППЗ. М.; Псков; СПб.: ИА РАН, 2016. Вып. 31 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 61-го заседания, 2015 г.). С. 211–228.
- Плохов, 2005 — Плохов А. В. Лепная керамика Рюрикова городища // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 74–81.
- Плохов, 2010 — Плохов А. В. Контакты населения Старой Ладogi с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 165–187.
- Плохов, 2014 — Плохов А. В. К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // Ajast ja ruumist. Uurimusi Mare Auna auks. Tallinn; Tartu: Tallinna Ülikooli ajaloo instituut; Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituut, 2014. С. 231–246.
- Седов, 1978 — Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М.: Наука, 1978. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 63–67.
- Седов, 2007 — Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
- Сениченкова, 2011 — Сениченкова Т. Б. Несколько замечаний о формировании ладожского керамического комплекса (середина VIII — начало X в.) // АИППЗ. М.; Псков; ИА РАН, 2011. Вып. 26 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 56-го заседания, 2010 г.). С. 211–228.
- Спиридонов, 1986 — Спиридонов А. М. Лепная керамика юго-восточного Приладожья // КСИА. М.: Наука, 1986. Вып. 187: Славяно-русские древности. С. 23–28.
- Станкевич, 1951 — Станкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi (по материалам раскопок 1947–1949 гг.) // СА. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1951 Т. XV. С. 219–246.
- Стасюк, 2011 — Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато в 2009 г. // АИППЗ. М.; Псков; ИА РАН, 2011. Вып. 26 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 56-го заседания). С. 86–95.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.
- Цетлин, 2018 — Цетлин Ю. Б. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.
- Цимермане, 1980 — Цимермане И. Р. Керамика I тыс. н. э. как источник для исследования этнической истории и культурных взаимоотношений на территории Латвии // Из этнической истории балтских народов: Сб. ст. / Отв. ред. Э. С. Мугуревич. Рига: Зинатне, 1980. С. 70–79.
- Шмидехельм, 1959 — Шмидехельм М. Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии: Сб. ст. / Под ред. С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 154–185.
- Шмидт, 2008 — Шмидт Е. А. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск, 2008. 256 с.
- Шноре, 1961 — Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. 235 с.
- Штыхаў, 1992 — Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 191 с.
- Dumpe, 2017 — Dumpe B. Keramika ar nagu un pirkstu galu iespiedumiem Latvijas teritorijā. Latvijas Nacionālā vēstures muzeja zinātniskie lasījumi 2013.–2016. Gadā // Rakstu krājums (Latvijas Nacionālā vēstures muzeja raksti, Nr. 23). Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2017. 33–55 lpp.
- Kiudsoo et al., 2009 — Kiudsoo M., Mäll J., Kallis I. Archaeological Excavations on the Iron-Smelting Site in Tõdva village // Archaeological Fieldwork in Estonia 2008 / Ed. E. Oras, E. Russow. Tallinn: Muinsuskaitseamet, 2009. P. 96–101.
- Lang, 1996 — Lang V. Muistne Rävala: muistised, kronoloogia ja maaviljelusliku asustuse kujunemine Loode-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Muinasaja teadus, 4. Tööd arheoloogia alalt, 4. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1996. 629 s.
- Lehtosalo-Hilander, 1982 — Lehtosalo-Hilander P.-L. Luistari I: The Graves // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift 82: 2. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 1982. 490 s.
- Mägi, 2018 — Mägi M. In Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston: Brill, 2018. 491 p.
- Selling, 1955 — Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm: Pettersson, 1955. 276 s.
- Tvaauri, 2012 — Tvaauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia (Estonian Archaeology, 4). Tartu: University Press, 2012. 384 p.

Bowl-like forms of handmade pottery from Truvor's Hillfort

N. V. Lopatin

The set of handmade pottery from the Izborsk (Truvor's) Hillfort includes bowl-like forms which in terms of their proportions are subdivided into bowls and pots/bowls. The majority of this ware is represented by fragments therefore the conclusions on the shape of the bottoms are made on the basis of the inclination of the walls of the lower body and through analogues. Eight types of bowl-like vessels have been distinguished. Types 1 and 2 are table bowls differing in the presence of a rib. They all, probably, are round-bottomed, show indications of careful manufacture (fine tempers of crushed rock, polished or smoothened surface), and often are decorated. Type 3, according to the quality of its manufacture and shape, is a simplified variant 2 (with a rib). Type 4 comprises pots/bowls with a rib; some demonstrate careful manufacture. Types 5–7, in their profiles and coarse execution, are similar to the main mass of the handmade pottery from the site but differ in the details of the design of the rim. Type 8 is the single example of a flat-bottomed bowl of the truncated-conical form with the entire surface decorated with fingerprint impressions.

The vessels of types 1, 2 and 8 presumably are imported. Each their example is peculiarly executed. Types 1 and 2 are related with Baltic-Finnish lands, type 8 is associated with the territory of the Latgalians. Types 3–7 belong to the local pottery-making but some of them (3, 4 and, perhaps, 5) seem to be an imitation of the tableware of the Rõuge type from sites of South-Eastern Estonia.

Possibly, bowls of types 1 and 2 can be helpful for more precise definition of the chronology of the horizon with handmade pottery at Truvor's Hillfort. An overview of dates of the pottery of a similar style in the native lands (Finland and Estonia) and throughout the zones of its distribution in the form of influences and imports (from middle Sweden to as far as the south-east Ladoga region) demonstrates that particular dates in many cases are narrowed down to within the 10th century against the general background of the chronology within the Viking Age.

Bowl-like vessels among the set of the handmade pottery from Izborsk constitute about 10 percent, exceeding their ratio at synchronous sites of the Ilmen area and Dnieper-Dvina region. It seems that this fact reflects the influence of the neighbouring Baltic-Finnish cultures.